

Носилов Константин Дмитриевич

**Юдик. Рассказ из жизни
самоедов на Новой Земле**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
К65

К65 **Константин Дмитриевич Н.**
Юдик. Рассказ из жизни самоедов на Новой Земле / Носилов Константин
Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 48 с.

ISBN 978-5-521-25722-5

ISBN 978-5-521-25722-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

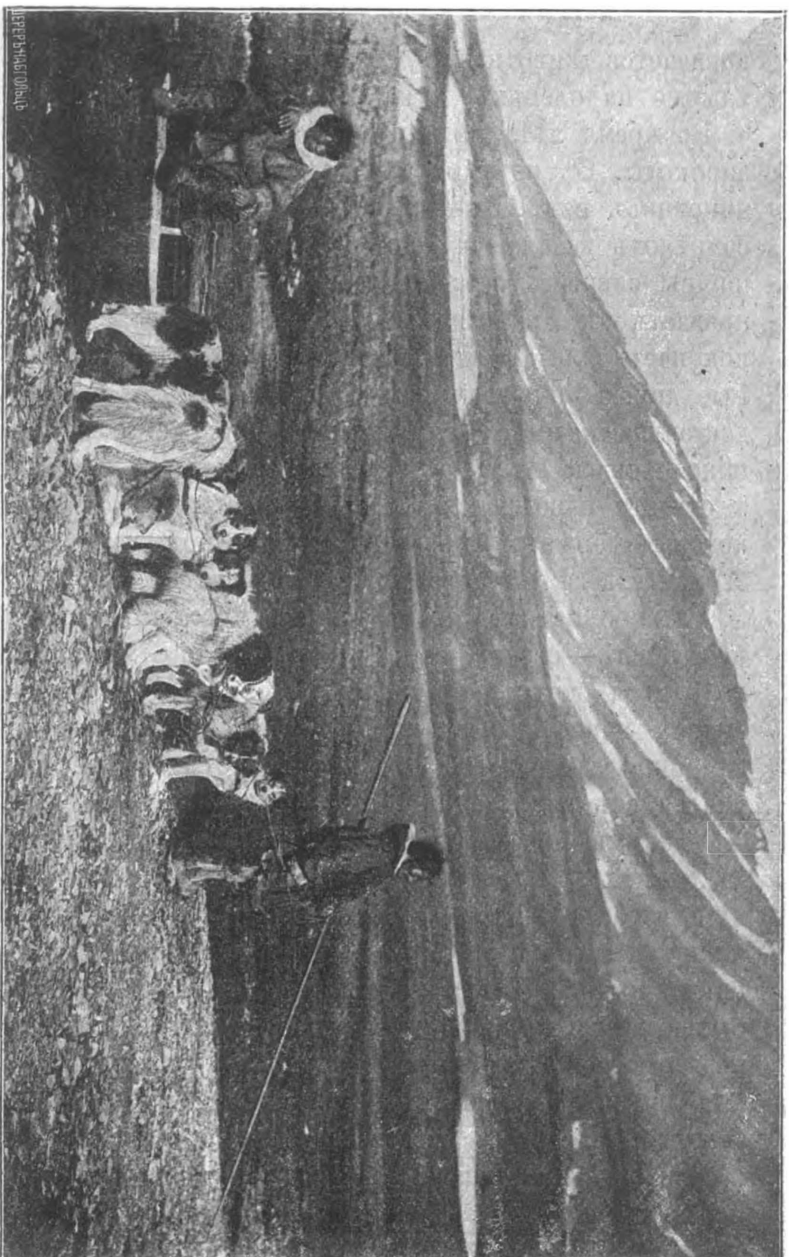
попадаетъ животныхъ. Ъздыть новоземельскіе самоѣды не на оленяхъ, а на собакахъ.

Во время лѣта на Новую Землю два раза ходятъ пароходы. Съ первымъ пароходомъ сюда пріѣзжаетъ чиновникъ изъ Архангельска, который забираетъ у самоѣдовъ всю добычу, добытую ими въ теченіе года: шкуры звѣрей, моржовое сало и т. п. Все это онъ продаетъ въ Архангельскѣ и на вырученные деньги покупаетъ для самоѣдовъ необходимые запасы и разные другіе поручаемые ими предметы, которые и доставляются имъ со слѣдующимъ пароходомъ. Оставшіяся деньги идутъ отчасти на содержаніе колоніи, а отчасти передаются въ собственность самоѣдамъ, которые держатъ ихъ въ сберегательной кассѣ въ Архангельскѣ и тратятъ, на что хотятъ.

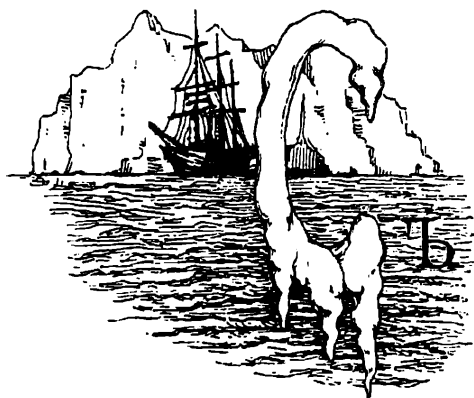
Главное изъ трехъ самоѣдскихъ поселеній на Новой Землѣ—становище *Малыя Кармакулы*. Здѣсь находится около десятка домовъ и небольшая деревянная церковь. При ней живетъ священникъ — іеромонахъ, а въ его домѣ помѣщается школа, гдѣ учатся всѣ самоѣдскія дѣти.

Такимъ образомъ, новоземельскіе самоѣды живутъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ ихъ собратья, кочующіе въ тундрахъ. Однако, несмотря на всѣ заботы о нихъ, жизнь ихъ среди полярной природы полна всякихъ случайностей. Переселяясь зимой, въ погонѣ за добычей, въ глухія, необитаемыя части острова, самоѣды подвергаются различнымъ опасностямъ и часто рискуютъ погибнуть отъ холода и голода. Подобный печальный случай и рассказывается въ исторіи „Юдика“—самоѣдскаго мальчика, вся жизнь котораго протекла на этомъ далекомъ полярномъ островѣ.

В. Л.

На Новой землѣ.

ЮДИКЪ.

I.

Юдикомъ, маленькимъ самоѣдомъ, я познакомился почти тотчасъ же, какъ только пріѣхалъ на Новую Землю, на этотъ полярный сѣверный островъ Ледовитаго океана. Я пріѣхалъ туда, какъ путешественникъ, а Юдикъ жилъ тамъ со своимъ отцомъ и матерью.

Чумъ его отца-старика Оомы Вылки былъ рядомъ съ моимъ домикомъ; его мать, маленькая, веселая старушка-самоѣдка, вызвалась мнѣ служить съ перваго же дня, какъ только я высадился съ морского парохода на берегъ. И вотъ, мы съ Юдикомъ—не только сосѣди на этомъ островѣ, но и знакомые.

Скоро онъ запросто сталъ заходить въ мой кабинетъ; потомъ мы съ нимъ подружились, и черезъ мѣсяцъ я уже беспокоился, если его не видѣлъ въ дверяхъ своего кабинета, куда онъ сталъ приходить каждое утро, чтобы сообщить мнѣ о погодѣ и новостяхъ.

Погода—это было первое, потому что, судя по ней, еще валяясь въ кровати, можно было рѣшить:

можно ли сегодня отправиться куда на охоту или въ экскурсію; новости, хотя ихъ было мало, все-таки были новостями, потому что другихъ и не было на этомъ островѣ, который только два раза въ годъ сообщался со всѣмъ остальнымъ свѣтомъ.

Чумъ самоѣда Вылки.

Забѣжить рано утромъ ко мнѣ Юдикъ, скажетъ, что сегодня хорошая погода, вѣтеръ съ горъ пересталъ дуть, — и мы съ нимъ уже начинаемъ мечтать о поѣздкѣ въ море на лодочкѣ; скажетъ — худая погода, холодно и сыро, — и мы съ нимъ, не торопясь, начинаемъ пить чай, потомъ садимся обдирать шкурки разныхъ морскихъ птичекъ и готовить изъ нихъ чучела.

Это была любимая наша работа — составлять коллекціи. Юдику рѣшительно нечего было дома дѣлать,

потому что промышлялъ и кормилъ его пока отецъ, первый охотникъ на бѣлыхъ медвѣдей на всемъ островѣ, а онъ только такъ таскался съ ружьемъ на охотѣ. И вотъ любознательный мальчикъ скоро привыкъ ко всему тому, что я дѣлалъ на его глазахъ, и сталъ такимъ ревностнымъ препараторомъ, что я наполовину предоставлялъ ему дѣлать чучела.

Это его страшно занимало; онъ, видимо, страшно любилъ птицъ и на моихъ глазахъ порой придавалъ мертвой шкуркѣ птицы, напаянной на палочку и паклю, такой артистическій видъ, что она была словно живая: вотъ-вотъ или закричитъ или поднимется на воздухъ и выпорхнетъ изъ моего окна.

Благодаря этому, наша работа спорилась, и скоро въ моемъ кабинетѣ была масса чучелъ разнообразныхъ птицъ и звѣрьковъ этого замѣчательнаго полярнаго острова—и на полкахъ, и подъ потолкомъ, куда мы ихъ вѣшали просушивать, и на столахъ, и на полу. Мать Юдика, которую я просто звалъ „бабушкой“, только хлопала руками отъ удивленія, смотря, чѣмъ мы себя окружили. Она, разумѣется, не понимала, зачѣмъ мы такъ возимся въ крови и перьяхъ, только пачкая полъ и мебель, которую ей приходилось постоянно чистить. Но для насъ это занятіе имѣло большое значеніе, и мы день-отодня окружали себя все новыми и новыми птицами и звѣрьками, и такъ сжились съ ними, такъ къ нимъ привыкли, что, кажется, кромѣ ихъ, ни о комъ не думали. Всѣ эти чучела, словно живыя, смотрѣли на насъ стеклянными глазками въ разныхъ позахъ: то словно сидя въ гнѣздѣ, то словно перепархивая съ камешка на камешекъ, то словно собираясь летѣть, подняться въ воздухъ. Они были не только

дороги намъ по воспоминаніямъ, какъ мы на нихъ охотились: гдѣ мы ихъ увидали, какъ къ нимъ подкрадывались, какъ стрѣляли, какъ поднимали ихъ съ морского берега или просто съ волнъ моря, на которыя онѣ падали, распластавъ крылья; но мы ими дорожили еще и потому, что мы надъ ними работали, ихъ оживляли, превращая почти никуда негодную шкурку въ какой-то артистическій предметъ, словно выходящій изъ нашихъ рукъ помимо даже нашей воли.

Однажды, я помню, мы съ Юдикомъ убили и начинили очень удачно бѣлую маленькую лисичку-песца и положили ее на нашъ диванчикъ въ позѣ отдыхающаго звѣрька. „Бабушка“ наша, войдя безъ насъ въ кабинетъ, такъ его испугалась, что моментально выбѣжала вонъ и больше уже не входила, пока мы не возвратились съ охоты. Она, въ простотѣ своей души, думала, что мы принесли его туда живого, и онъ готовъ броситься на нее, какъ только она зайдетъ въ нашу комнату. Я помню, когда мы рассказали ей, что это уже чучело, то даже и тогда она долго боялась, посматривая подозрительно на пушистую мордочку этого сердитаго звѣрька, словно опасаясь, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ даже мертвый не бросился на нее и не перепугалъ ее, трусиху.

И, работая такъ въ кабинетѣ, наполняя день-отъ-дня его разными чучелами, бывало, я съ удовольствіемъ засматривался минутами на этого самоѣдскаго мальчика, который вертѣлъ въ рукахъ какую-нибудь птичку или зашивалъ ей брюшко нитками, чтобы не помять ея нѣжныхъ, тонкихъ перышекъ, или обдумывалъ, какую ей придать позу. И блѣдное личико его съ черными любопытными глазами и курчавыми прядями черныхъ, какъ смоль, волосъ было въ эти

минуты дѣтскаго задумья такъ хорошо, что я часто думалъ снять такъ его на желатинную пластинку.

Онъ былъ уже не ребенокъ: ему, какъ говорила его мать, шелъ уже пятнадцатый годъ; но ни физически, по развитію, ни чѣмъ другимъ онъ еще не отличался отъ маленькаго мальчика, и блѣдный, съ слабымъ сложеніемъ, онъ скорѣе производилъ впечатлѣніе ребенка, словно эта полярная страна, гдѣ онъ родился, навсегда хотѣла его оставить такимъ хилымъ

Песець или полярная лисица.

и слабымъ, какъ почти все у ней изъ животнаго и растительнаго міра. Онъ рѣдко когда говорилъ: отъ него никогда нельзя было допытаться долгаго разсказа; на зато онъ такъ любилъ слушать, когда я что-нибудь рассказывалъ ему, словно всякое слово для него была нивѣсть какая важная новость... И я порой даже улыбался, видя, какъ онъ слушаетъ меня съ полураскрытымъ ртомъ и широко раскрытыми черными глазами, даже не моргая пушистыми рѣсницами.

И это совсѣмъ немудрено, потому что онъ ровно ничего не зналъ, кромѣ своего полярнаго, вѣчно въ снѣгу, острова, и птицъ, и звѣрей,—никогда не бы-

валъ на материкѣ, никогда не видалъ нашей, даже деревенской жизни. Все это его страшно занимало, все это было для него такою же новостью, какъ намъ, людямъ материка, море и его островъ, затерянный въ Ледовитомъ океанѣ. Онъ постоянно меня спрашивалъ, останавливая въ разговорѣ: что такое купецъ, что такое церковь, что такое архіерей, какая это столица, и какъ тамъ живутъ люди, что ѣдятъ и чѣмъ промышляютъ... И я мало-по-малу невольно знакомилъ его, — раскрывая передъ его дѣтскимъ умомъ, который все запечатлѣвалъ въ себѣ съ такою вѣрой, — съ нашими городами, сословіями, народомъ, хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и тысячей мелочей, то рассказывая ему, то показывая на фотографіяхъ и картинахъ.

Послѣднія были для него чѣмъ-то необыкновеннымъ, и онъ въ другое время съ какой-то особенной задумчивостью перелистывалъ мои иллюстрированные журналы, рассматривая тамъ картинки изъ бытовой жизни. Его занимало рѣшительно все, потому что все, что было у меня въ кабинетѣ, кромѣ нашихъ съ нимъ чучелъ, было для него новостью: и стоило мнѣ взять въ руки бумагу, какъ онъ уже допытывался, изъ чего и гдѣ и какъ ее дѣлаютъ; стоило мнѣ взять въ руки карандашъ, какъ онъ останавливалъ меня вопросомъ: какъ онъ пишетъ, и кто его изобрѣлъ?.. Ему было до всего дѣло, и онъ, спрашивая меня, порой ставилъ въ такое положеніе, что я иногда долженъ былъ рыться въ своемъ энциклопедическомъ словарѣ*), чтобы объяснить ему правильно то, что было нужно.

*) Энциклопедическій словарь — книга, въ которой дается объясненіе всевозможныхъ словъ, касающихся разныхъ наукъ, искусствъ, ремесль и т. д. Всѣ слова подобраны въ немъ по алфавиту.

Результатомъ всего этого было то, что онъ страшно пристрастился къ наукѣ, съ которой я его невольно такимъ образомъ познакомилъ, и уже, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, сталъ просить меня, чтобы я его научилъ читать и писать.

Отецъ его, старикъ-самоѣдъ Вылка, былъ грамотный, хотя это страшная рѣдкость среди самоѣдовъ; онъ научился читать, и то самоучкой, у какого-то бродячаго со стадомъ оленей зырянпна, и читалъ не иначе, какъ только по-славянски, разумѣется, не понимая и половины. Онъ научилъ читать и Юдика по-славянски, и Юдикъ тоже читалъ единственную книгу—псалтирь; но такъ какъ ни тотъ, ни другой не знали достаточно хорошо даже русскаго языка, не только славянскаго, то, разумѣется, читали развѣ только для того, чтобы читать, потому что это ихъ развлекало и доставляло большое удовольствіе ихъ старухѣ, которая страшно гордилась тѣмъ, что они грамотны, и любила сидѣть возлѣ нихъ и слушать непонятныя, новыя для нея слова.

Я, разумѣется, сталъ учить Юдика русской грамотѣ, и чрезъ какія-нибудь двѣ недѣли онъ уже не только читалъ, но даже сталъ и понимать прочитанное, благодаря тому, что я ему объяснялъ всякое новое, мудреное для него слово.

Такихъ мудреныхъ словъ для него было пропасть: встрѣтится слово „лѣсъ“, и онъ уже не знаетъ, что это такое, потому что лѣса на его островѣ совсѣмъ не водится, такъ какъ островъ этотъ полярный; встрѣтится слово „лошадь“, и нужно ему показать ее на картинкѣ, чтобы онъ понималъ, что это за звѣрь, потому что они ѣздятъ на собакахъ; и такъ какъ на Новой Землѣ многого не было того, къ чему

мы привыкли съ дѣтства и знаемъ, то нужно было, уча его грамотѣ, посвящать его совсѣмъ въ новый міръ, словно онъ только что родился.

Скоро мой Юдикъ такъ погрузился въ любимое новое занятіе—чтеніе, что только и сидѣлъ съ книгой. Онъ даже спалъ съ ней, валялся на шкурахъ своего чума, и кажется, разставался съ ней охотно только тогда, когда я звалъ его съ собой въ экскурсію или на охоту.

II.

Охоту онъ любилъ страстно, и я, будучи самъ страстнымъ охотникомъ, всегда находилъ въ немъ не только хорошаго опытнаго проводника, но и товарища по охотѣ. А охотиться въ горахъ и на морѣ мы съ нимъ не упускали случая каждый разъ, какъ только этому благопріятствовала погода.

Скажетъ Юдикъ, что сегодня утро прекрасное и на морѣ тихо, и я уже вскакиваю съ постели и подбѣгаю къ окну, чтобы посмотрѣть на разсвѣтъ яснаго дня, который бываетъ весьма рѣдко на этомъ полярномъ островѣ.

И вотъ, начинаемъ торопиться: пьемъ наскоро чай, собираемъ патроны, чистимъ ружья, еще не опредѣливши, куда направиться: въ море ли на нашей легкой парусной шлюпочкѣ, или въ горы, гдѣ бродитъ порой столько дикихъ оленей и бѣгаютъ бѣлые песцы.

И вотъ, рѣшаемъ ѣхать въ море. Беремъ съ собой дорожный чайникъ и припасовъ на день, прощаемся съ книгами и кабинетомъ и выходимъ на улицу.